

А. Н. КОНОНОВ

ТЮРКСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ В АКАДЕМИИ НАУК

Значение тюркского языкознания и других тюркологических дисциплин для советской науки определяется важными, государственного значения, факторами: тюркские языки в СССР по численности говорящего на них населения занимают второе место после славянских языков; по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г., в Советском Союзе представлено 25 тюркских языков, на которых говорят 32,4 млн. человек¹.

Тюркские языки являются родными для коренного населения пяти союзных республик (Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Туркмения, Узбекистан), шести автономных республик (Башкирия, Каракалпакия, Татария, Тува, Чувашия, Якутия), двух автономных областей (Горно-Алтайская, Хакасская). Часть населения Дагестанской АССР (кумыки, ногайцы), Кабардино-Балкарской АССР, Карачаево-Черкесской автономной области (балкары, карачаевцы, ногайцы), Ставропольского края (ногайцы, трухмены), Молдавской ССР (гагаузы), Нахичеванской АССР (азербайджанцы), а также караимы (Литовская ССР, Украинская ССР), урумы (Донецкая обл., Грузинская ССР), крымчаки (Крым и др.) говорят на тюркских языках.

Научному изучению тюркских языков в России предшествовал многовековой период практического освоения тюркских языков, что нашло яркое выражение в общеупотребительной лексике, хозяйственной терминологии (животноводство, соколиная охота и т. п.)², а также в некоторых деталях быта, обычаев, посольского церемониала и т. п.³

Первые поселения печенегов, торков и берендеев на русской земле датируются 1080—1097 гг.⁴; эти тюркские племенные объединения позднее входили в состав Киевского государства на правах его граждан⁵. Постепенно возникали смешанные русско-тюркские поселения, что естественно приводило к приобщению тюрок к христианской вере⁶ и заключению смешанных браков. В русских летописях сохранились многочисленные свидетельства как мирных, союзнических связей, так и остро

¹ Всего в мире 36 тюркоязычных народов общей численностью 62 448 000 чел. («Население мира», М., 1965, стр. 240).

² Иностранные слова, в том числе и тюркские, в русском языке издавна были предметом пытливого внимания русских людей, см.: М. П. Алексеев, Словари иностранных языков в русском азбучнике XVII века, Л., 1968. Тема «Тюркизмы в русском языке» с давних пор является традиционной в русской тюркологии.

³ Н. И. Веселовский, Пережитки некоторых татарских обычаев у русских, «Живая старина», 1912, кн. I, стр. 27—38; е го ж е, Татарское влияние на русский посольский церемониал в Московский период русской истории, СПб., 1911. А. К. Толстой в трагедии «Царь Борис», описывая придворный церемониал, отмечает: «... державы христианской Азийский блеск».

⁴ Д. А. Р а с о в с к и й, Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии, «Seminarium Kondakovianum», VI, Прага, 1933, стр. 10—11.

⁵ Б. Д. Греков, Киевская Русь, М., 1949, стр. 466.

⁶ С. А. П л е т н е в а, Печенеги, тюрки и половцы в южнорусских степях, «Материалы и исследования по археологии СССР», 62, 1958, стр. 194, 205. В опере А. П. Бородинна «Князь Игорь», в соответствии с исторической действительностью, выведен «Овлур, крещенный половчанин».

враждебных отношений между русскими и тюрками⁷. Многовековое взаимодействие русских и тюрков оставило заметный след в лексике, обычаях и культуре тех и других народов.

Практическое знание тюркских языков и этнографии тюркских народов, возникновение во второй половине XIII в. новой профессии — устных переводчиков с тюркских языков, толмачей (< др.-тюрк. *тылмачы*; ср. чув. *тӓлмач*), явилось одним из устоев, на котором позднее развилась новая научная дисциплина — тюркология.

Зарождение научного востоковедения, в том числе одного из его разделов — тюркологии, связано с энергичной деятельностью Петра I⁸, который в 1716 г. отправил молодых людей в Персию «для учения языкам турецкому, арабскому и персидскому»⁹; в 1724 г. была отобрана вторая группа из четырех человек «для посылки в Царьград ради обучения турецкого языка»¹⁰. 28 января 1724 г. Петр I «указал учинить Академию, в которой бы учились языкам, также прочим наукам и знатым художествам и переводили б книги»¹¹.

В составе первых российских академиков был востоковед Г.-З. Байер (1694—1738), который по обычаю того времени занимался многими восточными языками: китайским, монгольским, маньчжурским, тибетским, санскритом, сирийским¹².

Г.-З. Байер с его вниманием к восточным языкам не мог пройти мимо языков тюркской семьи, широко представленных в границах России. Ему принадлежит первый опыт перевода на латинский язык отрывка из широко известного теперь труда Абу-л-Гази (1603—1664) «Родословная тюрков»¹³. Имя Байера упоминается также в истории изучения тюркских рунических надписей, открытых в бассейне верхнего Енисея¹⁴.

В связи с собиранием и публикацией енисейских рунических памятников должен быть упомянут также профессор естественной истории, академик (с 1767 г.) П. С. Паллас (1741—1811), издавший несколько рунических памятников¹⁵ и вошедший в историю русской лексикографии как редактор первого издания «Сравнительных словарей всех языков и наречий».

Академия наук, стремившаяся использовать знания и опыт ученых, не состоявших в ее штате, в 1735 г. пригласила для разбора, описания и составления каталога хранившихся в Кунсткамере «татарских»¹⁶ монет Г. Я. Кера (1692—1740), переводчика Коллегии иностранных дел, которому было вменено в обязанность обучать русских молодых людей «ориентальным языкам», в связи с чем ему было присвоено звание «император-

⁷ Подробнее об этом см.: А. Н. К о н о н о в, История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период, Л., 1972, стр. 11—14.

⁸ Подробнее см.: С. К. Б у л и ч, Очерки истории языкознания в России, I (XIII в. — 1825 г.), СПб., 1904, стр. 190—203.

⁹ «Полн. собр. законов Российской империи с 1649 г.», V, № 2978.

¹⁰ П. И в а н о в, Дополнительные сведения о распоряжениях Петра Великого для обучения русских восточным языкам, «Вестн. Русск. географич. об-ва», 1853, ч. 8, стр. 170—171.

¹¹ Г. А. К н я з е в, А. В. К о л ь ц о в, Краткий очерк истории Академии наук СССР, М.—Л., 1957, стр. 10.

¹² С. К. Б у л и ч, указ. соч., стр. 219—220; П. П. П е к а р с к и й, История имп. Академии наук в Петербурге, I, СПб., 1870, стр. 186.

¹³ Подробнее см.: А. Н. К о н о н о в, указ. соч., стр. 58—69.

¹⁴ А. Н. Б е р н ш т а м, Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков VI—VIII веков, М.—Л., 1946, стр. 13.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Об этом термине см.: Г. Ф. Б л а г о в а, О русском наименовании тюрков и тюркских языков, «Советская тюркология», 1973, 4.

ский профессор восточных языков». Г. Я. Кер, добросовестно выполнивший указанное поручение Академии наук¹⁷, принимал деятельное участие в ее научной жизни, выступая с докладами.

В истории тюркологии Г. Я. Кер оставил по себе благодарную память тем, что собственноручно снял копию с не дошедшего до нашего времени списка 1714 г. известного сочинения основателя династии Великих Моголов Захир ад-дина Бабура (1482—1530), «Бабур-наме — Записки Бабур-на»; эта керовская копия была использована Н. И. Ильминским при типографском издании этого важного исторического памятника¹⁸. Не прошло мимо внимания пытливого Кера и другое важное историческое сочинение — «Родословная тюрков»; архивы сохранили рукописную копию этого сочинения, принадлежащую перу Кера (ЦГАДА, ф. 181, № 1459) и его перевод на немецкий язык (Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР).

Г. Я. Кер точно определил задачи, стоявшие в то время перед русским востоковедением, о чем со всей очевидностью свидетельствует составленный им проект «Академии, или Общества восточных наук и языков на благо и во славу Российской Империи»¹⁹.

После того, как скончались один за другим востоковеды Г.-З. Байер (1738) и Г. Я. Кер (1740), в Академии наук «ни одного азиатским языкам искусного человека не осталось»²⁰. Новый «Регламент имп. Академии наук и художеств в Санктпетербурге» от 24 июля 1747 г., согласно которому гуманитарные науки из Академии наук переводились в Академический университет, надолго лишил русское востоковедение права быть представленным в высшем научном учреждении страны.

В течение XVIII в. Академия наук снарядила, снабдила инструкциями и отправила в Сибирь, Поволжье и на Кавказ ряд экспедиций с целью всестороннего научного обследования этих районов; в инструкциях стоявшим во главе этих экспедиций ученым-натуралистам в качестве обязательных заданий предписывалось собирание лингвистического, этнографического и археологического материалов, благодаря чему был собран большой материал по разным языкам, в том числе и тюркским.

Пионером сопоставительного языковедения в России первой половины XVIII столетия, инициатором составления «Российско-татарско-калмыцкого словаря» (находится в Рукописном отделе Библиотеки АН СССР, Ленинград), основателем Татарско-калмыцкой школы в Оренбурге с целью «приготовления переводчиков этих языков», составителем выдающегося лексикографического труда «Лексикон Российский исторический, географический, политический и гражданский» (А — К, СПб., 1793), автором «Истории Российской» и трактата «Разговор о пользе наук и училищ» был В. Н. Татищев (1686—1750)²¹, выдающийся государственный деятель и ученый.

«Лексикон» В. Н. Татищева, являющийся по сути дела энциклопедией, представляет исключительный тюркологический интерес своим объяснением многих восточных, преимущественно тюркских этнонимов, топонимов, географических, исторических, этнографических терминов; это обстоятельство, равно как и проявленное В. Н. Татищевым внимание

¹⁷ В. Г. Тизенгаузен, Обзор совершенных в России трудов по восточной нумизматике, СПб., 1878, стр. 3—4, 17.

¹⁸ Подробнее см.: Г. Ф. Благова, К истории изучения *Бабур-наме* в России, «Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А. Н. Кононова», М., 1966.

¹⁹ См.: А. Н. Кононов, указ. соч., стр. 37—45.

²⁰ И. Ю. Крачковский, Очерки по истории русской арабистики, М.—Л., 1950, стр. 49.

²¹ О филологических воззрениях В. Н. Татищева см.: А. П. Аверьянова, В. Н. Татищев как филолог, «Вестник ЛГУ», 1950, 7, стр. 45—57.

к «Родословной тюрк» Абу-л-Гази²², дает основание считать его одним из первых русских историков и филологов, обладавшим солидными познаниями и в специальных областях тюркологии. Практическая и научная деятельность В. Н. Татищева, лингвистические идеи М. В. Ломоносова (1711—1765), автора «Российской грамматики», оказали глубокое влияние на весь ход изучения как русского, так и других языков тогдашней России.

Екатерина II проявляла интерес к составлению «Всеобщего словаря», в связи с чем собиранию лексического материала по языкам народов России был придан официальный характер. 26 августа 1784 г. во все епархии Российской империи был разослан указ, предписывающий составлять «словари языков инородческих народов, обитающих в каждой данной епархии»; соответствующие инструкции были направлены также и за границу, в русские дипломатические миссии.

В результате усилий многих корреспондентов и выдающейся научно-организационной деятельности академика-натуралиста П. С. Палласа был издан труд, носивший по обычаю того времени замысловатое название: «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Часть первая, в Санктпетербурге, 1787 года». Словник Словаря содержит 285 русских слов, переведенных на 200 языков: европейских — 51, азиатских — 149. Часть вторая (СПб., 1789) содержит лексику африканских и американских языков. В первой части представлен лексический материал девятнадцати тюркских языков и диалектов.

Непрерывно поступающий лексический материал дал возможность быстро подготовить новое издание Словаря, осуществленное по иному плану под редакцией Ф. И. Янковича де Мириево: «Сравнительный словарь всех языков и наречий по азбучному порядку расположенный» (4 части. СПб., 1790—1791). Это издание содержит материал 279 языков: азиатских — 171, европейских — 55, африканских — 30, американских — 23. К тюркским языкам и наречиям добавлены «татарский в Таврической области, кумыцкий в Дагестане, койбальский, моторский и чувашский» (последний в Словаре Палласа ошибочно назван в числе финских языков). Эти два словаря сыграли важную роль в развитии сопоставительного языкознания в России и в Западной Европе, в частности, они были использованы в известной работе по общему языкознанию И. Хр. Аделунга²³.

Собирание лексических материалов для названных выше словарей явилось стимулом для составления на местах тюркско-русских и русско-тюркских лексиконов. К числу крупнейших лексикографических опытов, непосредственно связанных с подготовкой и сбором материалов для словарей Палласа и Янковича де Мириево, является известный тюркологам «Словарь языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих, имянно Россиян, Татар, Чувашей, Мордвы и Черемис... под присмотром преосвященного Дамаскина, епископа Нижегородского и Алаторского, сочиненной 1785 года». Сохранилось два рукописных экземпляра этого словаря²⁴. Тем же 1785 г. датируется еще два рукописных лексикона: «Русско-татарский словарь» Сагита Хальфина, первого учителя татарско-

²² Подробнее см.: А. Н. К о н о н о в, указ соч., стр. 62—63.

²³ J. Ch. Adelung, Mithridates oder allgemeine Sprachkunde ..., I. Thl., Berlin, 1806 (о тюркских языках см. раздел: «Turkisch-tatarischen Sprach-und Völkerstamm», стр. 453—497).

²⁴ См.: М. И. З е в а к и н, А. К. И м я р е к о в, Пятиязычный «инородческий» словарь 1785 г., ИАН ОЛЯ, 1949, 5.

го языка в Казанской гимназии, и анонимный «Словарь языка чувашского».

25 июля 1803 г. был утвержден новый «Регламент имп. Академии наук», по которому изъяты из ведения Академии наук по Регламенту 1747 г. гуманитарные науки — «история, статистика и экономия политическая» — вновь заняли там подобающее им место.

На основании нового Регламента, хотя в нем ни слова не было сказано о востоковедении, в число адъюнктов Академии наук был зачислен с 1 сентября 1804 г. (с 1807 г. — экстраординарный академик) немецкий ориенталист Г.-Ю. Клапрот (1783—1835), который за свое семилетнее пребывание в России собрал и опубликовал, в числе прочего, материалы по этнографии и языкам ряда тюркских народов; однако его деятельность в русском востоковедении не оставила сколько-нибудь заметного следа.

Чрезвычайно любопытной фигурой в истории отечественной тюркологии является первый член-корреспондент Академии наук по разряду восточной словесности и древностей, избранный в 1810 г., «чиновник горной службы в Барнауле» Г. И. Спасский (1783—1864). Историк Сибири и Черноморского края, тюрколог-автодидакт, собиравший лексический материал по ряду тюркских языков Сибири (теперь опубликованный), он был автором статьи «Древности Сибири», сыгравшей важную роль в истории изучения тюркских рунических памятников; издателем журналов «Сибирский Вестник» (СПб., 1818—1824), «Азиатский Вестник» (СПб., 1825—1827).

Особое место в истории востоковедения в России занимает Азиатский музей Академии наук (1818—1930)²⁵. Первым директором его был ординарный академик по разряду восточных древностей (с 24 сентября 1817 г.) Х. Д. Френ (1782—1851)²⁶, арабист, оставивший заметный след в истории тюркологии систематизацией и описанием тюркских рукописей и нумизматического материала, рядом статей по истории тюркских народов и изданием в содружестве с Ибрагимом Хальфиным оригинального текста известного сочинения Абу-л-Гази «Родословная тюрков».

Первым адъюнктом по тюркским языкам в Академии наук (с июня 1818 г. по июль 1819 г.) был ученик Х. Д. Френа Я. О. Ярцов (1792—1861), молодой тюрколог, подававший большие надежды, но сменивший тернистый путь ученого на карьеру драгомана МИД.

На основании Дополнительных пунктов (от 30 января 1830 г.) к Регламенту 1803 г. для «истории и словесности азиатских народов» было выделено два места в Академии, а в «Уставе имп. Санктпетербургской Академии наук» (от 8 января 1836 г.) в числе наук, «усовершенствованием коих Академия должна заниматься», значатся «восточная словесность и древности» (§ 4).

Востоковедение в XVIII в. в силу специфичности исследовательского материала и слабой его изученности должно было быть уделом филологов-энциклопедистов, владевших рядом восточных языков и работавших в обширной области «восточной словесности и древностей», т. е. занимавшихся исследованием языков, литератур, истории и этнографии народов Востока.

Примерно с середины XIX в. в Академии, а также и за ее пределами, в русском востоковедении в недрах все развивающейся восточной филологии зарождается новая самостоятельная дисциплина — восточное языко-

²⁵ См.: «Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР», М., 1972.

²⁶ Литературу о Френе см.: «Очерки по истории русского востоковедения», сб. II, М., 1956, стр. 506—507.

знание, наиболее яркими представителями которой были О. Н. Бётлингк, М. А. Кастрен, А. А. Шифнер, В. В. Радлов, К. Г. Залеман, П. М. Мелиоранский.

Первым русским тюркологом-лингвистом был И. И. Гиганов (ум. в 1800 г.). Его труд «Грамматика татарского языка... в Санктпетербурге при имп. Академии наук, 1801 года» (188 стр.), отмеченный благотворным влиянием «Российской грамматики» М. В. Ломоносова, является первым опытом сопоставительного анализа грамматического строя татарского языка (тобольское наречие) с привлечением данных киргизского и турецкого языков. В ближайшие десятилетия за этой книгой последовали ряд грамматик и словарей татарского, чувашского и турецкого языков, однако ни одна из них не превзошла труда И. И. Гиганова.

Новым этапом в истории тюркского языкознания явилась удостоенная Демидовской премии «Общая грамматика турецко-татарского языка» (Казань, 1846) Мирзы А. Казем-Бека (1802—1870)²⁷, члена-корреспондента Академии наук; это — второе издание, «исправленное и обогащенное многими новыми филологическими исследованиями автора», ранее опубликованной им книги «Грамматика турецко-татарского языка» (Казань, 1839).

«Общая грамматика» Казем-Бека является сравнительной грамматикой турецкого и «татарских» языков, т. е. ряда тюркских языков: казанско-татарского, азербайджанского и некоторых других; более того, автор нередко прибегает к аналогиям из монгольского языка, используя для этого известную грамматику монгольского языка О. Ковалевского.

Многими изучавшими научное творчество М. А. Казем-Бека отмечалось, что он соединял в себе европейскую ученость с ученостью восточной, арабской по языку. Это сложное переплетение научных традиций и исследовательских приемов, пожалуй, наиболее полно воплотилось в его «Общей грамматике», в которой отчетливо ощущается влияние лингвистических идей М. В. Ломоносова, причудливо сочетающихся с латинской схемой турецкой грамматики француза А. Жобера (1779—1847)²⁸, которая, по словам самого Казем-Бека, явилась основой его труда в первом издании. Если к этому добавить привычную ему со школьных лет арабскую грамматическую схему²⁹, то получится довольно полное представление о грамматической эрудиции и навыках Казем-Бека.

«Общая грамматика» М. А. Казем-Бека, получившая многочисленные, в общем, одобрительные отзывы (И. Н. Березин, В. В. Григорьев, Б. А. Дорн, О. Н. Бётлингк и др.) и переведенная на немецкий язык Ю.-Т. Ценкером (Лейпциг, 1848), надолго стала основным пособием для изучения турецкого языка как в России, так и в Западной Европе.

Особая страница в истории тюркологии в России должна быть отведена знаменитому санскритологу и выдающемуся тюркологу академику О. Н. Бётлингку (1815—1904), автору исследования «Über die Sprache der Jakuten» (St.-Pb., 1851), сохранившего свое значение и поныне³⁰.

Труд Бётлингка, опирающийся на все известные в ту пору исследования по тюркскому и монгольскому языкознанию, базируется на прочных основаниях передовых лингвистических воззрений того времени. Несмотря

²⁷ См.: А. Р з а е в, Мирза Казем-Бек, Баку, 1965.

²⁸ A. P. J a u b e r t, *Éléments de la grammaire turque...*, Paris, 1823 (2. éd.—Paris, 1833).

²⁹ М. А. Казем-Бек пользовался арабской грамматической терминологией; в русскую практику, вероятно, он первый ввел арабский термин *izâfâ* «изафет» («Общая грамматика ...», стр. 374, § 54).

³⁰ Подробнее см.: сб. «О. Н. Бётлингк и его труд „О языке якутов“, Якутск, 1973

ря на свое, как теперь все признают, выдающееся научное значение, Якутская грамматика Бётлингга оказала весьма незначительное влияние на развитие общей тюркологии в России в сравнении с тем преобладающим воздействием, которое она произвела на якутское языкознание³¹.

Общелингвистические идеи О. Н. Бётлингга, изложенные в Якутской грамматике, в применении к тюркологическому материалу нашли отражение в трудах В. В. Радлова, среди которых в этой связи следует в первую очередь назвать его «Phonetik der nördlichen Türksprachen» (Leipzig, 1882) и «Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen» (St.-Pb., 1908).

В этих условиях показательным признанием составителей известной, до сих пор сохраняющей в определенной степени свое значение «Грамматики алтайского языка» (Казань, 1869): «Для разъяснения внутреннего значения форм весьма полезным и единственным (разрядка наша. — А. К.) пособием служила нам Грамматика монгольско-калмыцкого языка Бобровникова» (стр. VII), которая была издана в 1849 г. в Казани.

П. М. Мелиоранский (1868—1906), тонкий лингвист, с детства владевший немецким языком, не воспользовался ни трудом Бётлингга, ни грамматикой Казем-Бека; в предисловии к своей «Краткой грамматике казак-киргизского языка. Часть II. Синтаксис» (СПб., 1897) он писал: «При составлении Киргизского синтаксиса мне послужила весьма полезным пособием „Грамматика алтайского языка“... Я пользовался ею и как планом... и как источником при изложении многих частных синтаксических правил» (стр. V—VI). От «Краткой грамматики» Мелиоранского идет линия влияния к «Опыту краткой крымско-татарской грамматики» (Пг., 1916) А. Н. Самойловича, ученика П. М. Мелиоранского.

Таким образом, четко намечаются три параллельные линии развития грамматической мысли в русской тюркологии XIX — начала XX вв.: 1) через монголиста А. Бобровникова к тюркологам — авторам «Алтайской грамматики» и от них — к П. М. Мелиоранскому и А. Н. Самойловичу; 2) О. Н. Бётлингг — якутоведы и В. В. Радлов; 3) М. А. Казем-Бек своей «Общей грамматикой» оказал преимущественное влияние на составителей пособий по азербайджанскому языку (Т. Макаров, Л. Будагов, А. Везиров, Л. Лазарев и др.)³².

До сих пор не получила освещения многогранная деятельность учено-полиглотта, академика А. А. Шифнера (1817—1879)³³, оставившего по себе добрую память как редактор и издатель двенадцатитомного научного наследия финского ученого и путешественника М. А. Кастрена (1813—1852), совершившего путешествие по Сибири (1845—1849) на средства Академии наук и по ее инструкции³⁴. 11-й том собрания сочинений Кастрена представляет собой первый опыт изучения грамматики койбальского и карагасского языков.

В научной жизни Академии наук эпизодически принимал участие арабист и тюрколог, первый профессор турецкого языка в Петербургском университете, член-корреспондент АН О. И. Сенковский (1800—1858), весьма колоритная фигура русской журналистики и русского востокове-

³¹ См., например: С. В. Ястребский, Грамматика якутского языка, Иркутск, 1900; 2-е изд. — М., 1938. Подробнее см.: Е. И. Убрятова, Труды О. Н. Бётлингга «Über die Sprache der Jakuten» 120 лет!, сб. «О. Н. Бётлингг и его труд „О языке якутов“», стр. 7—44.

³² См.: А. Н. Кононов, указ. соч., стр. 204—205.

³³ Литературу о нем см.: «Очерки по истории русского востоковедения», сб. II, стр. 508.

³⁴ «История АН СССР», II, М. — Л., 1964, стр. 225.

дения первой половины прошлого века³⁵. О. И. Сенковский издал первое в России оригинальное пособие «Основные правила турецкого разговорного языка» (СПб., 1829, 76 стр.)³⁶.

Четвертым тюркологом (после Спасского, Казем-Бека, Сенковского) членом-корреспондентом АН (с 1870 г.) был Н. И. Ильминский (1822—1891), ученик М. А. Казем-Бека, выдающийся этнограф и языковед, положивший начало изучению казахского языка, издавший в оригинальных текстах «Бабур-наме» (Казань, 1857) и «Кысас Рабгузи» (Казань, 1859), один из авторов и редактор «Грамматики алтайского языка».

В истории тюркской лексикографии в России навсегда сохранятся имена историка и филолога, востоковеда-автодидакта, академика В. В. Вельяминова-Зернова (1830—1904)³⁷, издавшего «Словарь джагатайско-турецкий» (СПб., 1868—1869), и скромного доцента факультета восточных языков Петербургского университета и драгомана I класса при Азиатском департаменте МИД Л. З. Будагова (1812—1878), составившего «Сравнительный словарь турецко-татарских наречий» (СПб., т. I—II, 1869—1871).

Новая эпоха в истории отечественной и мировой тюркологии связана с именем академика В. В. Радлова (1837—1918)³⁸. Тюркология как дисциплина в трудах В. В. Радлова приобрела новое качество, чему способствовало многолетнее собирание и накопление фактического материала («Образцы народной литературы тюркских племен», 10 томов, СПб., 1866—1907), на основе которого был создан его знаменитый «Опыт словаря тюркских наречий» (24 выпуска, объединенных в четыре тома, СПб., 1893—1914), а также изучение фонетики и грамматики целого ряда живых тюркских языков, обследование и издание почти всех основных памятников рунического, уйгурского и отчасти арабского письма.

Последнее шестидесятилетие перед Октябрьской революцией прошло под знаком весьма плодотворной деятельности В. В. Радлова, оставившего неизгладимый след в истории мировой и отечественной тюркологии как своей исследовательской деятельностью, так и своими выдающимися учениками (В. А. Богородицкий, Н. Ф. Катанов, П. М. Мелиоранский, С. Е. Малов, А. Н. Самойлович).

Одновременно с В. В. Радловым в Академии наук состоял К. Г. Залеман (1849—1916)³⁹, иранист-лингвист по своей основной специальности, уделявший значительное внимание тюркологическим исследованиям. Среди его тюркологических работ в первую очередь следует назвать исследование о «Сельджукских стихах» поэта-мистика Султана Велета (1226—1312). Эта работа, основанная на обнаруженном ученым в Азиатском музее АН неизвестном ранее списке, явилась продолжением изучения этого важного памятника по истории анатолийско-тюркского языка и литературы на нем, начатого В. В. Радловым по списку Венской библиотеки. В круг научных интересов академика К. Г. Залемана входил живой казанско-татарский язык, орхонские рунические памятники, памятник караханидского периода («Кутадгу билиг») и сочинения на так называемом

³⁵ Подробнее см.: П. С. С а в е л ь е в, О жизни и трудах О. И. Сенковского, «Собр. соч. О. И. Сенковского (Барона Брамбеуса)», I, СПб., 1858; В. К а в е р и н, О. И. Сенковский (Барон Брамбеус). Жизнь и деятельность, «Собр. соч.», VI, М., 1966, стр. 233—477.

³⁶ Переведенная с французского языка «Турецкая грамматика» Гольдермана была издана дважды: СПб., 1766; М., 1777.

³⁷ Литературу о нем см.: «Очерки по истории русского востоковедения», сб. II, стр. 496.

³⁸ См.: Н. А. Д у л и н а, Хронологический перечень трудов В. В. Радлова и литературы о нем, «Тюркологический сборник. 1971», М., 1972, стр. 261—279.

³⁹ См.: А. Г. П е р и х а н я н, Карл Генрихович Залеман, «Очерки по истории русского востоковедения», сб. IV, М., 1959.

«чагатайском» языке («Легенда про Хаким-ата»); в его архиве сохранились материалы к сравнительной грамматике алтайских языков.

Одно из значительных мест в истории тюркской лексикографии в России занимает Э. К. Пекарский (1858—1934)⁴⁰, член-корреспондент АН (1927), почетный академик (1931), в прошлом политический ссыльный, проживший в якутской ссылке почти двадцать пять лет (до 1905 г.), глубоко изучивший язык, фольклор и этнографию якутов. Делом всей жизни Пекарского явился «Словарь якутского языка», составленный им при ближайшем участии Д. Д. Попова и В. М. Ионова (СПб., 1907—Л., 1930). Словарь Э. К. Пекарского получил самые лестные отзывы В. В. Радлова, К. Г. Залемана; современные якутоведы разделяют сложившееся ранее мнение об этом словаре⁴¹.

Тюркология в Академии наук пришла к Великой Октябрьской социалистической революции с большими, всеми признанными достижениями во всех областях тюркского языкознания: фонетический и грамматический строй, диалектография и диалектология, изучение памятников тюркской письменности, в том числе труднейших из них — рунических надписей.

*

Октябрьская революция поставила перед тюркологией, как и перед всей наукой в целом, новые задачи. Тюркское языкознание приобрело значение дисциплины государственной важности: претворение ленинской национальной политики на Советском Востоке выдвинуло на первый план одну из важнейших проблем культурной революции — проблему новой письменности: замену арабского алфавита более совершенной азбукой, создание новых алфавитов для бесписьменных языков. В течение 20—30-х годов советские тюркологи были заняты разработкой фонологических графических, полиграфических, орфографических основ новых алфавитов. Одновременно производились исследования фонетики, грамматического строя и лексики мало или вовсе не изученных языков, разрабатывалась и упорядочивалась общественно-политическая и научно-техническая терминология, создавались учебные пособия по языку для тюркоязычных школ всех ступеней. Академия наук в лице С. Ф. Ольденбурга, Н. Я. Марра, В. В. Бартольда, А. Н. Самойловича, С. Е. Малова, Б. Я. Владимирцова, Е. Э. Бертельса проводила большую исследовательскую и научно-организационную работу, направленную на удовлетворение насущных нужд культурной революции на Советском Востоке.

А. Н. Самойлович⁴², энергичный организатор и руководитель работ в области тюркологии того времени, в 1923 г. выступил со статьей «Нужен тюркологический съезд». В начале 1924 г. А. Н. Самойлович прочитал на заседании Радловского кружка (функционировал в 1918—1930 гг.) доклад о проектах применения латинского алфавита к тюркским языкам. В большой работе по реформе алфавита для тюркских языков активно участвовал С. Е. Малов. В результате кропотливых изысканий и длительных дискуссий на специальных совещаниях тюркологов были выработаны соответствующие рекомендации⁴³.

⁴⁰ См.: Е. И. У б р я т о в а, Очерк истории изучения якутского языка, Якутск, 1945, стр. 21—25; сб. «Эдуард Карлович Пекарский. К столетию со дня рождения», Якутск, 1958.

⁴¹ Л. Н. Х а р и т о н о в, Словарь якутского языка Э. К. Пекарского и его значение, сб. «Эдуард Карлович Пекарский», стр. 8—15.

⁴² См.: Ф. Д. А ш н и н, Александр Николаевич Самойлович (1880—1938), «Народы Азии и Африки», 1963, 2.

⁴³ См.: «Сводный протокол совещания по вопросу о приспособлении латинского алфавита к турецким языкам», «Изв. Российск. Акад. наук», VI серия, 12—28, 1924, стр. 653—662.

Инициатива А. Н. Самойловича (необходимость созыва Тюркологического съезда) была поддержана востоковедами Академии наук и директивными инстанциями: 26 февраля — 6 марта 1926 г. в Баку состоялся I Всесоюзный тюркологический съезд, оказавший решительное влияние на замену арабской азбуки латиницей, на развитие тюркологических исследований в тюркоязычных республиках и областях.

Задачи, вставшие перед тюркским языкознанием, а также развитие научных изысканий в области тюркских языков в республиках сделали настоятельно необходимой координацию усилий в области тюркологических исследований во всесоюзном масштабе. В апреле 1927 г. В. В. Бартольдом была составлена для СНК СССР одобренная Президиумом АН СССР «Записка об учреждении Тюркологического института для систематизации и объединения тюркологических работ самой Академии и тех учреждений, которые пожелают объединить с нею свои тюркологические исследования»⁴⁴. Плодом этой инициативы явился Тюркологический кабинет (1928—1930)⁴⁵, объединивший под председательством В. В. Бартольда всех ленинградских тюркологов, число которых во второй половине 20-х годов пополнилось Н. К. Дмитриевым, К. К. Юдахиным, А. Л. Троицкой, Н. П. Дыренковой.

1929 и 1930 гг. явились началом новой эпохи в истории высшего научного учреждения Советского Союза: Академия наук получила новый устав (29 мая 1930 г.) и пополнила (в 1929 г.) свои ряды новыми членами⁴⁶.

4 апреля 1930 г. Общее собрание АН СССР утвердило решение о слиянии Азиатского музея, Коллегии востоковедов, Института буддийской культуры, Тюркологического кабинета в Институт востоковедения АН СССР⁴⁷, первым директором которого стал последний директор Азиатского музея академик С. Ф. Ольденбург (1863—1934).

Тюркологические исторические и лингвистико-литературоведческие исследования в ИВ АН СССР были сосредоточены в двух ячейках: Среднеазиатском кабинете и Турецком кабинете, которыми руководил А. Н. Самойлович, директор ИВ АН СССР с 1934 по 1937 г. В планах обоих тюркологических кабинетов, особенно в течение первых десяти лет, преобладали исторические темы с преимущественным вниманием к новому и отчасти — новейшему времени⁴⁸; это объясняется тем обстоятельством, что названным темам в старом востоковедении уделялось явно недостаточное внимание. Из языковедческих тем могут быть названы: К. К. Юдахин, Киргизско-русский словарь (план 1932 г.)⁴⁹, А. К. Боровков, Грамматика узбекского языка (план 1938 г.), А. Н. Кононов, Грамматика турецкого языка (план 1940 г.).

Во время Великой Отечественной войны тюркологи ИВ АН СССР, как и другие ученые, были эвакуированы в г. Ташкент, а тюркологи ИЯМ АН СССР (С. Е. Малов, Е. И. Убрятова) — в г. Алма-Ату, где работали рука об руку с узбекскими и казахскими учеными, преподавали в высших учебных заведениях названных городов.

После реорганизации ИВ АН СССР (1950) и создания ЛО ИВ АН СССР (1956) немногочисленные тюркологи и монголисты были объединены в Тюрко-монгольском кабинете (в настоящее время — зав. С. Г. Кляшторный), тюркологи которого занимались двумя главными темами: описа-

⁴⁴ См.: «Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР», стр. 413.

⁴⁵ О программе работ Тюркологического кабинета см.: там же, стр. 413—414.

⁴⁶ Там же, стр. 44.

⁴⁷ Там же, стр. 48.

⁴⁸ Там же, стр. 414—420.

⁴⁹ См. его «Киргизско-русский словарь», М., 1940 и М., 1965.

нием тюркских рукописей собрания ИВ АН СССР⁵⁰ и составлением «Библиографического словаря отечественных тюркологов» (В. Г. Гузев⁵¹, Н. А. Дулина, А. Н. Кононов, Ю. А. Ли; М., 1974). Грамматики современных литературных турецкого (М.—Л., 1956) и узбекского (М.—Л., 1960) языков созданы А. Н. Кононовым; его же перу принадлежит историко-лингвистическая монография «Родословная туркмен» (М.—Л., 1958).

Тюркологи Сектора Турции ИВ АН СССР (Москва), первым руководителем которого был В. А. Гордлевский, последние примерно десять лет занимались составлением большого (150 печ. л.) «Турецко-русского словаря» (А. Н. Баскаков, А. А. Кямилава, Ф. А. Салимзянова, К. М. Любимов, Р. Р. Юсипова и др., редактор Л. Н. Старостин). Историко-лингвистическая тематика успешно разрабатывается Э. Н. Наджином⁵².

В Институте этнографии АН СССР всегда велась большая работа по различным проблемам этнографии тюркских народов; в трудах этнографов — А. А. Попова, Л. Э. Корунской, Л. П. Потапова, С. М. Абрамзон и др. — нередко освещались чисто лингвистические вопросы. Этнограф по основной специальности Н. П. Дыренкова (род. в 1899 г. — погибла в Ленинграде 28 октября 1941) с успехом работала и как языковед, ею составлены «Грамматика ойротского (т. е. горноалтайского. — А. К.) языка» (М.—Л., 1940), «Грамматика шорского языка» (М.—Л., 1941), «Грамматика хакасского языка» (Абакан, 1948) и написана статья «Тофаларский язык» («Туркологические исследования», М.—Л., 1963).

Одновременно с организацией ИВ АН СССР (1930) на базе Яфетического института (первоначально — Институт яфетидологических изысканий), основанного Н. Я. Марром в 1921 г., был создан Институт языка и мышления (ИЯМ) АН СССР, носивший после смерти Н. Я. Марра (20 XII 1934) его имя и преобразованный в 1951 г. в Институт языкознания АН СССР.

Организованный в 1934 г. Кабинет (позднее — Сектор) тюркских языков ИЯМ возглавил С. Е. Малов, которому в разное время помогали С. С. Джикия (1934—1936), А. Н. Кононов (1936—1938), Е. И. Убрятова (с 1938); основной темой здесь было составление словарной картотеки по памятникам древнетюркской письменности, которая позднее составила основу «Древнетюркского словаря» (Л., 1969, см. стр. IV). С. Е. Малов был постоянно окружен аспирантами, преимущественно представителями тюркоязычных народов Советского Союза. На семинаре по основным проблемам тюркского языкознания, которым руководил С. Е. Малов⁵³,

⁵⁰ А. М. М у г н и о в, Описание уйгурских летописей Института народов Азии, М., 1962; Л. В. Д м и т р и е в а, А. М. М у г н и о в, С. Н. М у р а т о в, Описание тюркских рукописей Института народов Азии, I, М., 1965. Л. Ю. Тугушева занимается изучением и описанием уйгурских рукописей. В 1960 г. ИВ АН СССР был переименован в Институт народов Азии АН СССР; в 1968 г. восстановлено прежнее наименование: Институт востоковедения АН СССР.

⁵¹ В. Г. Гузев, занимавшийся историей османского языка, работал в составе Кабинета до конца 1973 г.

⁵² Хорезми, Мухаббат-наме. Изд. текста, транскрипция, перевод и исследование Э. Н. Наджиба, М., 1961; Э. Н. Наджиб, Сравнительный словарь тюркских языков XIV в. (Главная редакция восточной лит-ры изд. «Наука», в печати); см. также его фундаментальный «Уйгурско-русский словарь» (М., 1968).

⁵³ См.: С. Е. Малов, Таласские эпиграфические памятники, М.—Л., 1936; е г о ж е, Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951; е г о ж е, Енисейская письменность тюрков, М.—Л., 1952; е г о ж е, Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, М.—Л., 1959; е г о ж е, Лобнорский язык, Фрунзе, 1956; е г о ж е, Уйгурский язык. Хамийское наречие, М.—Л., 1954; е г о ж е, Уйгурские наречия Синьцзяна, М., 1961; е г о ж е, Язык желтых уйгуров, Алма-Ата 1957 и М., 1967.

собирались почти все ленинградские тюркологи; деятельным участником семинарских занятий был В. М. Жирмунский (1891—1971).

Созданный в 1957 г. Алтайский сектор ЛО ИЯ АН СССР (зав. О. П. Суник), объединивший тюркологов и тунгусоведов, проделал весьма значительную работу в области алтаистических исследований, организовал в мае 1969 г. в Ленинграде первую всесоюзную алтаистическую конференцию, доклады которой опубликованы в сборнике «Проблема общности алтайских языков» (Л., 1971). Одна из больших тем, коллективно разрабатываемых сотрудниками Сектора, нашла свое отражение в сборнике «Очерки по сравнительной лексикологии алтайских языков» (Л., 1972).

Закончена и ждет издания коллективная монография «Очерки исторической морфологии алтайских языков», готовится к печати «Введение в алтаистику». Важным событием в истории изучения лексики алтайских языков является выход в свет коллективного труда «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков» под редакцией В. И. Цинциус (в печати).

Общепризнанным достижением явилось издание составленного тюркологами Сектора «Древнетюркского словаря» (Л., 1969). Среди работ сотрудников Сектора — тюркологов следует отметить труды А. К. Боровкова («Бадә'и' ал-лугат», М., 1964; «Лексика среднеазиатского тефсира XII—XIII вв.», М., 1963), А. М. Щербака («Огуз-наме. Мухаббат-наме», М., 1959; «Грамматический очерк языка тюркских текстов XI—XIII вв. из Восточного Туркестана», М.—Л., 1961; «Грамматика староузбекского языка», М.—Л., 1962; «Сравнительная фонетика тюркских языков», Л., 1970), а также целый ряд статей Д. М. Насилова, И. В. Кормушина, Л. В. Дмитриевой, С. Н. Муратова, Н. И. Летагиной.

Центром тюркологических лингвистических исследований в СССР является Сектор тюркских языков Института языкознания АН СССР (зав. Э. Р. Тенишев), предшественником которого была тюркологическая ячейка Московского отделения ИЯМ во главе с Н. К. Дмитриевым⁵⁴, до конца своих дней возглавлявшим Сектор после реорганизации ИЯМ в Институт языкознания. Н. К. Дмитриеву принадлежат работы «Строй турецкого языка» (Л., 1939), «Грамматика кумыкского языка» (М.—Л., 1940), «Грамматика башкирского языка» (М.—Л., 1948); посмертно издана книга «Строй тюркских языков» (М., 1962), куда вошли важнейшие работы ученого по тюркским языкам. Сотрудниками Н. К. Дмитриева в московскую пору были Ф. Г. Исхаков, Э. В. Севортян, Н. А. Баскаков. Здесь была задумана и осуществлена весьма полезная серия «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков» (I—IV, М., 1955—1962; отв. редакторы Н. К. Дмитриев, Н. А. Баскаков, Е. И. Убрятова), авторами которой были Н. А. Баскаков, С. А. Бурнашева, В. Ф. Вещилова, Н. З. Гаджиева, Э. А. Грунина, Н. К. Дмитриев, Ф. Г. Исхаков, А. А. Коклянова, А. А. Пальмбах, Э. В. Севортян, А. А. Юлдашев. К этой серии близко примыкает также коллективный труд «Историческое развитие лексики тюркских языков» (М., 1961, отв. ред. Е. И. Убрятова; авторы — Н. З. Гаджиева, Ф. Г. Исхаков, А. А. Коклянова, Л. А. Покровская, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак, А. А. Юлдашев).

Сотрудниками Сектора проделана большая исследовательская работа во всех областях тюркского языкознания; особо следует отметить последние изыскания по синтаксису (Н. З. Гаджиева), обследование малоизученных тюркских языков (саларский, желтоуйгурский — Э. Р. Тенишев; гагаузский — Л. А. Покровская; караимский — К. М. Мусаев), изучение исторической фонетики чувашского языка (Л. С. Левитская), иссле-

⁵⁴ См.: В. Д. А р а к и н, Николай Константинович Дмитриев (1898—1954), [М.], 1972 («Замечательные ученые Московского университета», 42).

дование проблем лексикологии и лексикографии (А. А. Юлдашев). Специального упоминания заслуживает многолетняя самоотверженная работа Э. В. Севортяна над «Этимологическим словарем тюркских языков» (т. I — в печати)⁵⁵. В области тюркской лексикографии и тюркского языкознания большую работу ведет Н. А. Баскаков⁵⁶.

Для дальнейшего развития тюркологических исследований большое значение будет иметь осуществляемый в Секторе коллективный труд «Сравнительно-историческая фонетика тюркских языков». Здесь же в течение ряда лет разрабатывается обширная и важная тема «Тюркская диалектология», первые результаты которой представлены в сборнике «Диалекты тюркских языков» (под ред. Е. И. Убрятовой, в печати). Сотрудники Сектора активно участвуют в подготовке к составлению «Диалектологического атласа тюркских языков СССР», способствуя тем самым решению одной из важнейших проблем советского тюркского языкознания.

Большую и очень нужную работу ведет Ф. Д. Ашнин, книгу которого «Алтайское языкознание. Библиографический указатель литературы по алтайским (тюркским, монгольским и тунгусо-маньчжурским) языкам, изданной в России и СССР. 1726—1970» все алтаисты ждут с понятным нетерпением.

Сектор тюркских языков ИЯ АН СССР является также центром подготовки через аспирантуру тюркологов-лингвистов; многочисленные кандидатские и докторские диссертации получают здесь свою апробацию.

В Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР (Новосибирск) ведется работа по якутскому языкознанию под руководством Е. И. Убрятовой, подготовившей дополненное и расширенное издание своих «Исследований по синтаксису якутского языка» (1-е изд. — М.—Л., 1950).

В организации возникавших в конце 20 — начале 30-х годов в республиках и автономных областях Советского Востока Комитетов наук, филиалов АН СССР, которые затем были преобразованы в республиканские академии наук, деятельное участие принимали русские тюркологи: А. Н. Самойлович, С. Е. Малов, Н. К. Дмитриев, Е. Э. Бертельс, А. П. Поцелуевский, К. К. Юдахин, А. К. Боровков и др.

*

Тюркское языкознание в Академии наук за 250 лет ее существования проделало огромный путь — от собирания, накопления преимущественно лексического материала, главным образом — по тюркским языкам Поволжья, Сибири, Кавказа и отчасти — Средней Азии, до строго научного исследования лексики, фонетики, грамматики всех тюркских языков в их истории и современном состоянии.

Послеоктябрьский период истории отечественного языкознания в Советском Союзе знаменуется расширением числа исследователей этой области — в работу во все возрастающем масштабе вовлекались и вовлекаются представители тюркоязычных народов и народностей; во всех тюркоязычных республиках и областях созданы специальные институты, изучающие местные тюркские языки.

Советский период развития отечественной тюркологии характеризуется, прежде всего, новой методологией и методикой, на которых базируются

⁵⁵ См. также: Э. В. Севортян, Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке, М., 1962; е г о ж е, Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке, М., 1966.

⁵⁶ См.: Н. А. Баскаков, Каракалпакский язык. I—II, М., 1951—1952; е г о ж е, Введение в изучение тюркских языков, М., 1969.

современные тюркологические исследования, введением в научный обиход новых материалов, расширением круга исследуемых проблем, новым научным истолкованием старых проблем.

За последнее полувековье получили новое развитие традиционные области тюркологии. Тюркская лексикография представлена теперь наличием словарей разного типа по всем тюркским языкам; успешно разрабатывается также тюркская лексикология.

Тюркская фонетика и фонология характеризуется углубленным изучением звукового строя тюркских языков в сравнительно-историческом и экспериментальном аспектах. В исследовании морфологии тюркских языков наряду с детальными формально-морфологическими описаниями все большее значение приобретает изучение семантики грамматических форм, принадлежащих отдельным грамматическим категориям, в их взаимосвязанности. Последние годы характеризуются повышенным вниманием к исторической грамматике отдельных тюркских языков. Разработка ряда проблем морфологии тюркских языков — части речи, глагольные виды, перифрастические формы глагола, аналитические формы глагола, состав словообразующих аффиксов, проблемы словообразования — является почти целиком заслугой советских тюркологов.

Исследование синтаксиса тюркских языков по существу развернулось только в последнюю четверть века; особое внимание в этой большой и важной теме уделялось и уделяется разграничению синтаксических единиц — словосочетания и предложения; сложное предложение изучается в его делении на главное и подчиненное, придаточное, вырабатываются критерии определения состава сложного предложения, изучаются синтаксические функции причастий, деепричастий, глагольно-именных (масдарных) конструкций и т. п.

Немалые результаты достигнуты в области диалектологии и диалектологии: диалекты и их разновидности почти всех тюркских языков Советского Союза получили монографические описания; составлены диалектологические словари; по диалектологии азербайджанского, татарского, киргизского, казахского языков написаны обобщающие исследования; проводится необходимая подготовительная работа для создания «Диалектологического атласа тюркских языков СССР». Изучение памятников тюркских языков рунического, уйгурского, арабского письма ведется широким фронтом: осуществляется большая работа по грамматическому и филологическому обследованию всех старых и вновь открытых старописьменных памятников. Проектируется издание корпуса памятников рунической письменности⁵⁷.

Тюркская лингвистика достигла больших успехов, которые позволяют надеяться, что дальнейшее развитие этой отрасли советского языкознания будет идти еще более успешно вширь и вглубь.

⁵⁷ Подробнее см.: «Тюркское языкознание в СССР за пятьдесят лет», «Советская тюркология», 1972, 6; А. Н. Кононов, Тюркская филология в СССР. 1917—1967, М., 1968.